

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316:314.74

*В.В. Бубликов***АССИМИЛЯЦИЯ ИЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ – ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
ПО ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ**

Рассматривается актуальная проблема интеграции иммигрантов с позиции двух наиболее распространённых в практике зарубежных государств концепций: ассимиляции и мультикультурализма. Исследуемые концепции подвергаются критическому анализу как в их теоретической части, так и с точки зрения практических результатов.

Вопрос об интеграции иммигрантов, принадлежащих к иной цивилизационной и культурной традиции в западных странах, превратился в один из ключевых в политической и общественной дискуссии. И. Семенович отмечает: «От успешного решения проблем регулирования иммиграции и создания эффективных механизмов интеграции мигрантов и их потомков во многом зависит обеспечение жизнеспособности западной демократии и преемственности европейской цивилизационной традиции» [1. № 10. С. 58].

Интеграционная политика зарубежных государств разнообразна и многолика, каждое государство имеет свои особенности при проведении такой политики. Тем не менее в общем интеграционная политика сводится к двум противоположным стратегиям: ассимиляции и мультикультурализму. При этом обе стратегии могут исторически сменять друг друга в рамках иммиграционной политики одного государства.

Ярким примером такого рода служит интеграционная политика США, которую можно разделить на два периода. Первый период (XIX – 60-е гг. XX в.) – стратегия ассимиляции иммигрантов, второй период (60-е гг. XX в. – настоящее время) – стратегия мультикультурализма. Именно до принятия либеральных иммиграционных законов в 1960-е гг. в США реализовывалась жёсткая политика ассимиляции иммигрантов, получившая название концепции «плавильного тигля». Основными её постулатами являлись аккультурация иммигрантов на основе англо-протестантской культуры и принятие ими ценностей американской политической системы. С. Хантингтон пишет: «На протяжении американской истории люди, не принадлежавшие к белым англосаксонским протестантам, могли стать американцами, лишь приняв англо-протестантскую культуру и политические ценности» [2. С. 107]. Также он отмечает: «Миллионы иммигрантов и их потомков добились богатства, могущества, признания в американском обществе исключительно по той причине, что они ассимилировались в доминирующей культуре» [2. С. 108].

Ассимиляционная стратегия сформировала современную американскую нацию. Иммиграция приобрела такой масштаб, что без проведения жёстких мер, направленных на ассимиляцию иммигрантов современные США, безусловно, представляли бы совсем другую страну. Политика жёсткой ассимиляции позволила сохранить английский язык в качестве национального, а ценности протестантской религии – сделать опреде-

ляющими общественную и политическую жизнь страны. При этом ассимиляционная стратегия порой наталкивалась на противодействие со стороны больших компактно расселённых общин иммигрантов (например, можно вспомнить попытки придать законный статус немецкому языку в местах проживания иммигрантов из Германии в штате Пенсильвания).

Особая роль в процессе ассимиляции отводилась школьному образованию, в котором значительное место принадлежало (и отчасти продолжает принадлежать) преподаванию национальной истории и различным патриотическим церемониям (например, торжественное поднятие национального флага). Получение образования рассматривалось в США как наилучший способ привить ученикам англо-американские протестантские ценности [3. С. 161–162].

В процессе ассимиляции иммигрантов (получившем в США название «американизация») принимали участие не только государственные органы, но и общественные организации, бизнес. С. Хантингтон пишет: «Крупным промышленным корпорациям требовалась рабочая сила, которую охотно предоставляли иммигранты, поэтому корпорации организовывали при фабриках школы, где иммигрантов учили английскому языку и внушали им американские ценности» [2. С. 210].

Ярким примером участия бизнеса в ассимиляции иммигрантов стала деятельность Генри Форда, считавшего, что иммигрантов необходимо «научить американским традициям, английскому языку и американскому образу жизни» [4. С. 101]. Его компания финансировала многочисленные мероприятия по ассимиляции иммигрантов, такие как организация курсов английского языка и т.п.

Движение за ассимиляцию иммигрантов шло «снизу» – от общественных организаций и частных компаний, которые в свою очередь оказывали давление на местные власти. Именно благодаря такому давлению более чем в тридцати штатах были приняты программы по «американизации». Федеральное правительство стало участвовать в ассимиляционном процессе несколько позднее, в 1910–1920-е гг., когда Бюро по натурализации и Бюро по образованию разработали собственные ассимиляционные программы.

Однако с либерализацией иммиграционного законодательства и принятием законов, запрещающих дискриминацию расовых и этнических меньшинств в 1960-х гг., в американском обществе постепенно стала

господствовать доктрина мультикультурализма, основанная на приоритете прав меньшинств.

С нарастанием потока иммигрантов из стран Латинской Америки и Азии и ростом соответствующих этнических групп внутри американского общества были приняты меры, допускающие сохранение иммигрантами своих национальных идентичностей. Одним из основных последствий политики мультикультурализма стало широкое распространение в общественной жизни других (не английского) языков. На практике это привело к возникновению на территории США больших территорий-анклавов, в которых доминирующим является не английский язык (в первую очередь испанский).

Коренным образом изменилась роль среднего и высшего образования. В отличие от XIX и первой половины XX в. в современной Америке образование поощряет «многообразие и не прилагает практически ни малейших усилий по вовлечению иммигрантов в американскую культуру, по приобщению их к американским ценностям и традициям» [2. С. 319]. Более того, в школах допущено обучение на иностранных языках, а на избирательных участках выдаются бюллетени для голосования на нескольких наиболее распространённых языках и т.д.

Основным направлением государственной политики в области этно-расовых взаимоотношений стала «позитивная дискриминация» в отношении меньшинств. Эта политика выражается в предоставлении расовым и этническим меньшинствам приоритета в социальной сфере (такого как привилегии при приёме на работу или квотирование мест в учебных заведениях для меньшинств). Однако политика «позитивной дискриминации» находит множество противников (причём не только в среде «белого» большинства, но и среди представителей самих меньшинств), поскольку «дискриминация наоборот» ставит групповые права выше индивидуальных, что противоречит принципам правового государства.

Опыт интеграционной политики США позволяет сделать вывод о том, что именно ассимиляционная стратегия по отношению к иммигрантам сформировала нынешнее американское общество с его доминирующим англо-протестантским «ядром», что, в свою очередь, позволило этой стране стать ведущей державой мира. Однако размывание национальной идентичности и отказ от политики ассимиляции в пользу стратегии мультикультурализма создаёт угрозу социальной стабильности и сохранения этого государства как единого целого в будущем.

Примерами жёсткой ассимиляционной стратегии служат и другие страны (Австралия, Аргентина, Бразилия и т.д.). Так, например, масштабы иммиграции в Аргентину в конце XIX – начале XX в. немногим уступали объёмам иммиграции в США. Однако так же, как и в США, политика ассимиляции позволила сохранить в этой стране в качестве государственного языка испанский, при том что масштабы иммиграции из Испании в эту страну существенно уступали количеству иммигрантов, прибывших из Италии [5. С. 18].

Следует отметить, что успеху проведения политики ассимиляции в прошлом в перечисленных странах значительно способствовал и низкий уровень развития информационно-коммуникационных технологий. Отсутствие быстрых и дешёвых средств связи, транспорта

делали практически невозможным сохранение информационной и культурной связи иммигрантов со страной-донором. На современном этапе развития средств связи и коммуникации иммигрант при желании может сохранять практически в полном объёме информационно-культурную связь с родиной, даже находясь в значительном от неё удалении.

Техническое развитие средств коммуникации в совокупности с политической либерализацией этнокультурной политики в западных странах способствовало формированию мультикультурной общественной структуры и привело к кризису национальной идентичности.

В настоящее время политика мультикультурализма де-факто реализуется практически во всех западных странах, принимающих значительное число иммигрантов. Однако далеко не все страны провозгласили эту политику в качестве официальной. Официальной же она является в Канаде, Австралии, Великобритании, Нидерландах и некоторых других странах.

«Пионером» государственной политики мультикультурализма считается Канада. Проблема урегулирования сепаратистских настроений франкофонного большинства в Квебеке вынудила канадское правительство провозгласить стратегию мультикультурализма в качестве государственной ещё в 1960-е гг. XX в.

На сегодняшний день «канадское общество принято описывать метафорами “мультикультурной мозаики” или “миски салата”»: здесь культуры перемешиваются, сосуществуют, но не происходит их растворения в доминирующей культуре, ориентированной на англосаксонскую традицию» [1. № 11. С. 58]. Это подтверждается и данными Канадской национальной статистики, согласно которой при проведении последней переписи населения 2006 г. только 32% жителей этой страны назвали себя канадцами. В то же время 21% заявил об английском «этническом происхождении», 16 – французском, 15 – шотландском, 14 – ирландском, 10 – немецком, 5 – итальянском, по 4% – о китайском и украинском происхождении [6]. При этом, однако, разрешалось указывать как одно, так и несколько «этнических происхождений».

Особенно усилилось влияние нетрадиционных для Канады диаспор, этнических и религиозных общин. Так Т. Тимашова отмечает: «Китайская диаспора наряду с мусульманской общиной не только сформировали мощный диаспоральный капитал, но всё настойчивее заявляют о себе в общественно-политической жизни Канады, сохраняя при этом свою культурную самобытность и идентичность» [7. С. 111].

От ассимиляции в пользу политики мультикультурной интеграции иммигрантов отказалась и Австралия. Эта страна дольше других, вплоть до 1960-х гг., проводила дискриминационную политику в отношении неевропейских иммигрантов. Причём ассимиляционная политика была направлена на европейских иммигрантов «небританского» происхождения, в то время как иммигранты других расовых групп подвергались сегрегации.

Развитие экономических связей с Азиатско-Тихоокеанским регионом и отказ от политики «белой Австралии» вынудили либерализовать иммиграционную политику этой страны. Опираясь на канадский опыт, политика мультикультурализма в Австралии нацелена

на сохранение и укрепление этнической идентичности сообществ, образуемых иммигрантами «небританского» происхождения.

В отличие от «заокеанских» стран традиционной иммиграции, где политика мультикультурализма пришла на смену ассимиляционной стратегии примерно в 60-е гг. XX в., европейские государства столкнулись с массовой иммиграцией только в послевоенный период. Влияние иммиграции на культурное и социальное единство нации-государства в Европе имело другой эффект, нежели в США, Канаде или Австралии.

Европейские государства, имевшие в прошлом крайне негативный опыт межнациональных отношений, столкнулись с небывалым в своей истории явлением – массовым и очень быстрым, по историческим меркам, появлением на своей территории инокультурных сообществ, обладающих этнической и религиозной идентичностью. Проблема взаимоотношений доминирующей нации и «окраинных» этносов (таких как ирландцы и шотландцы в Великобритании, корсиканцы и бретонцы во Франции, баски и каталонцы в Испании и т.д.) отошли на второй план, пропустив вперёд вопросы взаимоотношений с крупными общинами иммигрантов, сформировавшимися в некоторых странах «параллельные сообщества».

Среди европейских стран, несмотря на большую степень интеграции в рамках Европейского Союза, нет единства мнений в отношении интеграции иммигрантов. До недавнего времени ряд стран, таких как Германия, несмотря на наличие больших общин иммигрантов, пытались «не замечать» свой иммиграционный статус, что привело к их сегрегации. Однако в последние годы практически все европейские государства были вынуждены признать, что они не могут обходиться без иммиграционной «подпитки» своего рынка труда.

Первыми государствами в Европе, принявшими мультикультурную стратегию интеграции иммигрантов, были бывшие колониальные державы Великобритании и Нидерланды.

Главной целью мультикультурной политики её сторонники называют организацию совместного проживания и взаимодействия индивидов, групп, сообществ различной культурной и религиозной ориентации с помощью механизмов совмещения разных ценностей, представлений, традиций, образов жизни в рамках «гражданской» нации [1. № 10. С. 65].

Единого мнения по отношению к политике интеграции иммигрантов на основе мультикультурной стратегии в Великобритании не выработано. Более того, иммиграционная политика государства и его мультикультурная стратегия стали объектом политической борьбы. Приверженцы мультикультурной стратегии считают, что государство должно способствовать не только сохранению культурных и прочих идентичностей у иммигрантов, но и их развитию. Выражаясь иначе, государство должно стимулировать и усиливать дифференциацию общества, поддерживая социокультурные идентичности национальных меньшинств.

Противники мультикультурной стратегии и «позитивной дискриминации» подчёркивают, что мультикультурные программы, концентрирующиеся на мониторинге этнических меньшинств и оказании дополнительных ус-

луг темнокожему населению и выходцам из Азии, оказываются неуместными, вызывающими разногласия и распри между представителями этнических сообществ. Мультикультурализм, таким образом, противопоставляет одни этнические сообщества другим. В Великобритании такая политика привела к тому, «что сегодня мультикультурализм видится как нечто совершенно необходимое для этнических меньшинств и абсолютно бесполезное и даже вредное для белого населения Британии» [8].

Мультикультурная стратегия интеграции иммигрантов устанавливает в обществе атмосферу напряжённости и разделённости на этнические (либо расовые и религиозные) анклавы. В современных городах западных стран сформировались «определённые территориальные кластеры», как правило в центральных частях городов, а «коренное», белое население «стремится покинуть эти районы как можно скорее» [9. С. 227].

В результате в Великобритании (как и во многих других европейских странах) сформировались сообщества иной культурной и цивилизационной ориентации, выпадающие из социального (а иногда и правового) поля государства-реципиента. Такие сообщества, часто формирующиеся на основе не только этнической, но и религиозной принадлежности, воспринимают «свою» культуру как находящуюся в «чужом» мире.

Главным негативным последствием мультикультурной политики, на наш взгляд, является отсутствие единой национальной идентичности, которая позволяет обществу не только успешно развиваться, но и преодолевать кризисные явления. Однако теоретики мультикультурной стратегии, соглашаясь с необходимостью наличия единой идентичности, понимают под ней только политическую идентичность. Высказываясь по этому вопросу, Б. Парекх отмечает: «Как и любое другое общество, общество мультикультурное нуждается в разделяемых большинством ценностях для своего поддержания» [10. С. 7]. И далее настаивает: «Такая культура (мультикультурная. – В.Б.), включающая в свой контекст множество культур, может появиться только в результате их взаимодействия и должна поддерживать и подпитывать культурные различия» [10. С. 7]. С точки зрения такого подхода мультикультурная доктрина способствует формированию и укреплению института «гражданской» (политической) нации при сохранении этнической и культурной дифференциации внутри общества.

Опыт интеграционной политики таких европейских стран, как Франция и Германия, сложно определить в парадигме двух концепций (ассимиляции и мультикультурализма). Во Франции главным направлением интеграции иммигрантов является их включение в состав «политической нации». Это означает, что интеграционная политика направлена на индивидуума, а не на сообщества иммигрантов.

Французское государство отвергает принцип этнического государства, основанного на «праве крови», заменяя его принципом политической нации, т.е. государства, граждане которого разделяют принципы французской демократии и либерализма. Единственным социокультурным условием принадлежности к этому государству является принятие французского языка. Такую модель интеграции И. Цапенко называет «политической ассимиляцией». Её суть заключается в том, что «государство формально не признаёт особых

потребностей этнических меньшинств и не учитывает их в практической политике; этнические, культурные, религиозные вопросы относятся сугубо к сфере частной жизни иммигрантов» [11. С. 59]. При этом идентичность новых граждан определяется «национальным политическим порядком, а не этнокультурными или религиозными корнями» [11. С. 59]. Однако в то же время стратегия «политической ассимиляции», в отличие от модели «классической ассимиляции», не предполагает обязательного принятия иммигрантами этнокультурных норм коренного населения и физического «растворения» посредством смешанных браков.

Во Франции такой подход реализуется уже многие десятилетия, и большинство исследователей сходятся во мнении, что он оказался неэффективным (достаточно вспомнить расовые волнения осенью 2005 г.). В отличие от стран, проводящих мультикультурную политику, французское государство на официальном уровне отвергает разделение на этнические или расовые группы. Однако позиция государства, отвергающего де-юре наличие в стране значительного количества этнических, расовых и религиозных меньшинств, появившихся в результате массовой иммиграции, не означает отсутствия такого разделения в практической жизни.

Антиподом французской политики гражданской идентичности по принципу принадлежности к «политической нации» и праву «почвы» в Германии вплоть до недавнего времени реализовывалась модель «этнической нации», основанная на «праве крови». Столь серьёзные расхождения в принципах построения государства и как следствие отношения к группам иностранного населения, проживающего на своих территориях между Францией и Германией, наблюдаются с давних пор. Дихотомия «политическая нация – этническая нация» стала стереотипом ещё во времена Франко-прусской войны 1870–1871 гг.; уже тогда немцы в вопросе о принадлежности Эльзаса и Ло-

тарингии приводили языковые и культурные аргументы, а французы – политические [1. № 11. С. 65].

Массовая иммиграция в Германию и образование на её территории больших иммигрантских диаспор (в первую очередь турецкой) до недавнего времени не вынуждали правительство отказываться от принципа «этнической нации». Единственным объектом интеграционной политики государства были этнические немцы, репатриировавшиеся на родину. В результате потомки немецких переселенцев, обосновавшихся в России в XVIII в., признаются немцами, и если они иммигрируют в Германию, автоматически получают немецкое гражданство. И наоборот, потомки турецких иммигрантов, которые выросли в Германии, получили в ней образование, нашли работу и хорошо говорят по-немецки, сталкивались с большими препятствиями при попытках получить немецкое гражданство.

В последнее время под влиянием волны насилия, терроризма, массовой нелегальной иммиграции и прочих негативных последствий иммиграции инокультурных групп (в первую очередь из мусульманских стран) в Европе политика мультикультурализма стала претерпевать изменения. Основными направлениями пересмотра интеграционных практик являются отказ от институциональной поддержки организации иммигрантских групп с целью их большего вовлечения в общенациональные организации, а также ужесточение законодательства в области иммиграции и натурализации.

Краткий анализ опыта зарубежных государств по интеграции иммигрантов говорит о неоднозначности и противоречивости двух концепций интеграции: ассимиляции и мультикультурализма. Несмотря на наличие плюсов и минусов, обе концепции не могут в полной мере удовлетворить потребности консолидации нации, с одной стороны, и сохранения толерантного отношения к чужим культурам – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 10. С. 58–68; 11. С. 57–71.
2. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
3. Carl F. Kaestle. *Pillars of the Republic: Common Schools and American Society*. N. Y.: Hill & Wang, 1983.
4. Ford H., Otis L. Graham and Elizabeth Koed. *Americanizing the Immigrant, Past and Future* // *The Social Contract*. 1993/94. № 4.
5. Jorge Ochoa de Eguileor, Eduardo Valdes. *Donde durmieron nuestros abuelos?* Buenos Aires: Centro internacional para la conservacion del patrimonio, 2000.
6. Официальный сайт Канадского статистического агенства. Режим доступа: <http://www12.statcan.ca/english/census06/release/ethnicorigin.cfm>
7. Тимашиова Т. Канада в контексте международной миграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 1. С. 104–112.
8. Сайт газеты The Daily Telegraph. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/>
9. Антонова В.К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречён? // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. Т. 1, № 2. С. 213–230.
10. Parekh B. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. London, 2000.
11. Цапенко И. Развитые страны: интеграционная политика в отношении иммигрантов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 3. С. 59–69.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 июня 2008 г.